

О.В.Горбачев
Брянский госуниверситет

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕЛЬСКОЙ МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.)

В сложившейся многочисленной литературе по проблемам миграции сельского населения на сегодняшний день существует несколько самостоятельных направлений. Первое по времени формирования в соответствии со специализацией разработчиков условно может быть названо “социологическим”. Оно сформировалось одновременно с осознанием остроты ситуации в российской деревне, вызванной обезлюдением села во второй половине 1960-х гг. Его последователи (новосибирская группа Т.И.Заславской и некоторые другие социологи, например, В.И.Староверов¹) воспринимали миграцию из села как закономерный процесс перетекания трудовых ресурсов из села в город, отчасти деформированный непродуманными субъективными решениями. В основе подхода лежало известное положение К.Маркса, в соответствии с которым “...отток населения из села, а следовательно, и сокращение числа работающих в сельском хозяйстве – закономерное и прогрессивное явление”². В качестве выхода из ситуации предлагалось устранить наиболее очевидные последствия этих деформаций, и с этой целью уже в конце 1960-х гг. та же новосибирская группа приступила к разработке концепции совершенствования системы сельского расселения, известной впоследствии как “программа сселения малых деревень”. Как известно, эта программа не только не улучшила, но существенно усугубила положение в деревне. В сравнительно недавней монографии Ж.А.Зайончковской обстоятельно проанализированы заслуги и просчеты социологов – специалистов по сельской миграции³.

В “перестроечные” годы усилиями молодого поколения историков советской деревни был сформирован другой подход. Используя хорошо документированную базу, эти авторы попытались доказать, что политика советского руководства в послевоенные десятилетия явилась главным разрушающим фактором по отношению к деревне, стала источником большинства ее проблем. При этом прежний тезис о закономерном характере миграции оказывался невостребованным⁴. В применении к российской деревне XX в. стал широко применяться термин “раскрестьянивание”, но до сих пор нет единого мнения ни о хронологических рамках процесса, ни о его содержании. Одна из не-

многих попыток обосновать конкретными фактами эволюцию существенных черт сельского мировоззрения во второй половине XX в. была предпринята М.А.Безниным⁵. Утрата крестьянственности увязывается этим историком с изменением характера личного подсобного хозяйства колхозников в первой половине 1960-х гг., когда оно действительно стало играть подчиненную роль в бюджете сельской семьи. Представляется, что введение этого критерия в очередной раз продемонстрировало ограниченность узко-экономического подхода. Так, в другом месте М.Безнин утверждает, что процесс раскрестьянивания в современной России продолжается⁶.

В 1990-е гг. Т.Шаниным и В.П.Даниловым было создано направление, получившее название “крестьяноведение”. Его последователи рассматривают процессы, происходившие в российской деревне в XX в., с точки зрения эволюции традиционных форм, подчеркивая их универсальный характер⁷. Нетипичные проявления этой эволюции интерпретируются с использованием выдвинутой Т.Шаниным теории “эксполярных” типов⁸. Утрата крестьянством существенных черт традиционного сознания представляется в качестве закономерного явления, хотя исследователи не склонны соглашаться с утверждением об окончательной «гибели» крестьянства в 1960-е гг. и заменой его на сельского наемного работника. Миграция из села с точки зрения крестьяноведения рассматривается в контексте эволюции традиционных форм, хотя проблематика эта в применении к российской деревне второй половины XX в. до сего времени специально не разрабатывалась.

Наконец, еще одна группа исследователей – “урбанисты”, рассматривает сельскую миграцию в контексте российской урбанизации. Это направление сформировалось относительно недавно, когда стало ясно, что культивировавшаяся долгие годы теория “социалистической урбанизации” нуждается, как минимум, в уточнении. В связи с этим авторы появившихся в последние годы исследований делают попытку осмысления процессов урбанизации в СССР с точки зрения мирового опыта⁹. Практически все авторы признают особый характер урбанизации в СССР, но делают из этого разные выводы. Так, А.С.Ахизер настаивает на понятии “псевдоурбанизация”, отрицая включенность СССР в мировой урбанизационный процесс. Ему вторит В.Л.Глазычев, предпочитающий для характеристики советской урбанизации термин “слободизация”. А.С.Сенявский считает, что советский город совершал ту же эволюцию, что и западный, но гораздо медленнее. Несколько особняком стоит концепция А.Г.Вишневого, подчиня-

ющая урбанизацию модернизации; критерии последней усматриваются, в свою очередь, в распространении рыночных отношений в обществе. При этом применительно к условиям советского общества вводится понятие “консервативной модернизации”.

По нашему мнению, точка зрения А.С.Сенявского наиболее адекватна сути происходящего. Термин “псевдоурбанизация” предполагает некий тупик, отрыв от мировых тенденций, тогда как сегодняшний характер развития российских городов позволяет судить о схожести протекающих в них процессов с общемировыми. С другой стороны, понятие “модернизация” в интерпретации А.Г.Вишневского вызывает немало вопросов при его применении к советскому этапу существования российского общества. Представляется, что в тех условиях денежные отношения были отнюдь не главными по степени воздействия на сельскую среду. Кроме того, понятие “модернизация” в современной исторической науке сохраняет свою многозначность¹⁰, а термин “урбанизация” лишен этого недостатка. Ее суть усматривается в территориальной концентрации человеческой деятельности¹¹. В то же время несомненна значимость суждений В.Л.Глазычева о переходном от сельского к городскому – “слободском” типе населения советских городов, который формировался в результате притока населения из села.

Итак, на сегодняшний день в рамках четырех названных направлений накоплен обширный материал, позволяющий во многом переосмыслить существующие представления о характере миграционных процессов в российском селе в 1940-е – 1980-е гг. Очевидно, что современное исследование сельской миграции должно опираться на сведения из смежных отраслей знания. Причем, кроме работ, реализованных в рамках упомянутых направлений, следует назвать сочинения географов – специалистов по динамике сельского расселения. В отличие от демографических и социологических трудов, они практически не были востребованы историками советского периода, что отчасти можно объяснить некоторым невниманием к региональным аспектам миграционных процессов¹².

Источники для изучения сельской миграции в Центральной России в 1940-е - 1980-е гг. достаточно традиционны. Это материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг., данные сельскохозяйственного учета, годовые отчеты местных статистических органов о естественном и механическом движении сельского населения, годовые отчеты колхозов, сведения об организованном наборе и сельско-

хозяйственном переселении. В последние годы стараниями многих историков, в том числе Л.Н.Денисовой и В.П.Попова, в научный оборот введены письма и воспоминания сельских жителей, существенно дополняющие картину причин миграции¹³. Тем не менее, следует заметить, что многочисленные архивные материалы все еще остаются неизвестными научной общественности.

Свидетельства сельских жителей, в том числе неопубликованные, позволяют уточнить имеющиеся представления о причинах миграции. В частности, они помогают понять, что решение о переезде в город в разные десятилетия принималось под давлением различных обстоятельств. В существующей литературе проблеме миграционных факторов во времени до сих пор не уделено должного внимания. Поэтому мы предприняли попытку проследить динамику изменения преобладающих причин переезда в города по письмам сельских жителей Центрального экономического района в органы центральной печати – газеты “Социалистическое земледелие”¹⁴ и “Сельская жизнь”¹⁵. Материалы эти достаточно специфичны, поскольку в большинстве случаев представляют собой просьбы о помощи, а потому отражают жизнь села несколько односторонне. О значимости поднятой авторами писем проблемы как миграционного фактора, а также о степени ее распространенности можно судить по количеству однотипных обращений. К сожалению, писем за 1940–1950-е гг. гораздо меньше, чем за последующие годы, поэтому для анализа настроений сельских жителей привлекались также содержащиеся в фондах РГАСПИ подборки вопросов, наиболее часто задаваемых населением на встречах с представителями власти, и обнаруженные в ГАРФ данные опросов уезжающих из деревни.

Практически невозможно пытаться определить основной мотив, побуждающий людей переселиться в город. Как правило, причин переселения несколько. Редко бывает так, что одна причина доминирует настолько, чтобы мигранты могли четко ее сформулировать, даже если хотят¹⁶. Поэтому представляется корректным вести разговор лишь о преобладающих тенденциях в мотивации мигрантов.

В первую очередь отметим то обстоятельство, что правительство, обратив внимание на сельскую миграцию в города в 60-е гг., столкнулось уже с поздней стадией процесса. Несмотря на административные ограничения, в конце 1940-х - начале 1950-х гг. отъезд был уже достаточно массовым. Например, в письме из Костромской области, датированном 1948 г., говорилось, что “почти из каждого хозяйства,

оставшегося в колхозе, по 2–3 чел. молодых парней проживают в городской местности”¹⁷. Во-вторых, не вызывает сомнения сходный характер проблем, с которыми сталкивались жители села в 1940–1950-е и 1960–1970-е гг. И в том, и в другом случае фиксируются отсутствие материальной заинтересованности в работе в колхозе, низкая оплата труда, отсутствие организованного досуга, преимущества жизни в городе по сравнению с деревней¹⁸. В то же время главным в документах 1940-х – 1950-х гг. является мотив трудовых отношений.

В большинстве свидетельств из послевоенной эпохи – неудовлетворенность низким уровнем жизни на селе, малой доходностью колхозного производства. В рассказе колхозника из Калининской области о своем сыне читаем: “Если бы демобилизовался домой, то его запрягли бы в колхоз, обязательно. А за что в колхозе работать, за палочку? И он удрал, без паспорта. А как съехал, там паспорт сразу получил, на месте”¹⁹. В 1947 г. жителями сел Калужской и Ярославской области задавались вопросы: “Знает ли тов. Сталин о продовольственных затруднениях наших колхозников? Почему продали хлеб за границу, а сами голодаем? Почему Советский Союз не закупает хлеб и другие продукты в Америке?”²⁰

В послевоенные годы существенное влияние на подвижность населения оказывал фактор налогов. Колхозник И.В.Веселов из Костромской области пробует в этом разобраться: “Нечего греха таить, подчасную сами родители своих детей на жительство силком провожают... Такие явления в большинстве случаев происходят в таких семьях, где отец и мать являются престарелыми и считаются нетрудоспособными по возрасту. Согласно закону, хозяйству следовало бы пользоваться льготами по всем видам обязательных поставок. Но у них в семье имеется трудоспособный сын или дочь, за которых, как они сами откровенно признаются, им приходится платить все обязательные поставки. В этих случаях добрые папаши и мамыши ежедневно пичужат своих деточек – “учат” их уму-разуму. Стараются честным и нечестным путем добыть документы и поскорее отправить своего милого чада в город на производство”²¹.

И в 1940-е, и в 1960-е гг. авторы писем нередко сравнивали условия жизни в городе и селе. Это заставляет считаться с влиянием процесса урбанизации уже в первые послевоенные десятилетия, хотя его разрушающая роль по отношению к сельской, во многом традиционной еще среде, проявлялась тогда явно слабее. Так, в письмах и обращениях 1940-х – 1950-х гг. почти не встречаем жалоб на тяжелые ус-

ловия труда, в то время как в 1960-е – 1970-е гг. они принимают массовый характер. В переписке 40-х – 50-х гг. по сравнению с последующим периодом существенно меньше сетований на состояние социально-бытовой сферы села. Причиной тому – не отсутствие недостатков. Например, колхозники Брянской области в 1946 г. интересовались, когда будут бесперебойно работать бани, жаловались на плохое качество хлеба, отсутствие в продаже соли, спичек и керосина²². Скорее, есть смысл говорить о привычке мириться с этими проблемами, которая свидетельствовала о том, что городские стандарты в массовом сознании сельских жителей тогда еще окончательно не сложились.

Настроения негородского населения в 1940-е гг. в большей степени соответствовали приоритетам власти, что актуализирует тезис о традиционалистской опоре большевистского руководства²³. Тот же И.Веселов с сожалением пишет: “в городах большое скопление населения, куда ежедневно прибывают десятки, сотни, тысячи новых жителей, а контроль за деятельностью каждого человека поставлен хуже, чем в колхозе” (последняя фраза подчеркнута в редакции “Социалистического земледелия”)²⁴.

Обильная переписка 1960 – 1970-х гг. смущает множественностью объяснений причин оттока молодежи. Среди прочего здесь низкий размер выплат в колхозах, в том числе пенсий (Ивановская, 1967)²⁵, “руководители не обращают внимания на бытовые условия колхозников” (Рязанская, 1966)²⁶, отсутствие организованного досуга (Брянская, 1967)²⁷ и т.п. По тому, насколько часто фигурирует последний мотив, можно говорить о формировании устойчивой ассоциации в массовом сознании: “отсутствие клуба – молодежь едет из села”. Поскольку клубная форма проведения досуга имеет отчетливое городское происхождение, а еще в 1950-е гг. жалоб на отсутствие клубов почти не было, можно говорить о происшедшем примерно в первой половине 1960-х гг. переломе в урбанистической ориентации молодых сельских жителей Центра – она стала преобладающей. В почте 1960-х – 1970-х гг. содержится чрезвычайно много претензий к местным хозяйственным руководителям – осуждается их некомпетентность, грубость, низкий образовательный уровень, невнимание к молодым специалистам. Так как в предшествующие десятилетия подобных жалоб практически не было (за исключением случаев откровенной уголовщины), то можно предположить, что в такой форме проявился конфликт поколений – носителей молодого, уже вполне урбанизированного сознания с высоким уровнем запросов, со старым, отягощенным остатками традиционализма.

В претензиях жителей села 1960-х – 1970-х гг. к сфере торговли постепенно прослеживается переход в категорию дефицитных практически всего товарного ассортимента. Не касаясь проблем организации торговли, отметим лишь, что это говорит как о прогрессирувавшем снижении роли личных хозяйств, ранее восполнявших отсутствие тех или иных товаров в магазинах, так и о росте потребностей урбанизированного населения.

Множественность версий причин миграционного оттока в письмах сельских жителей заставляет интерпретировать эти причины именно через урбанизационные процессы. При этом, на наш взгляд, неудовлетворительным является толкование, в соответствии с которым ответственность на обезлюдение села возлагается исключительно на субъективные действия советского руководства. Происшедший в последние годы возврат к тезису об универсальном характере урбанизации позволяет рассматривать советскую аграрную политику в качестве специфического проявления процесса урбанизации с предсказуемыми результатами²⁸. Многочисленные свидетельства сельских жителей, объясняющие причины их переезда в город, во-первых, подтверждают наличие уже в 1940-е гг. в селе Центра устойчивой городской альтернативы, несмотря на ограничительные меры властей, а во-вторых, позволяют проследить дальнейшую динамику формирования миграционной мотивации.

Возвращаясь к направлениям изучения сельской миграции, следует отметить, что, по нашему мнению, на сегодняшний день хорошую перспективу имеют междисциплинарные исследования, которые будут сочетать в себе проблемы эволюции традиционных форм (в рамках того же крестьяноведения) с аспектами российской урбанизационной специфики. При этом обширный конкретный материал, накопленный исследователями российской миграции за эти десятилетия, получит новую интерпретацию, адекватную реалиям современного исторического знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миграция сельского населения /Под ред. Т.И.Заславской. – М., 1970; Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. – М., 1975.
2. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т.25. Ч.1. – С.289.
3. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. – М., 1991.
4. Вербицкая О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х – начало 1960-х гг. – М., 1992; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960 – 1980-е гг. – М., 1996; Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960 –

- середина 1980-х годов) // Судьбы российского крестьянства. – М., 1996; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945 – 1953): Сб. документов. – М., 1993. и др.
5. Безнин М.А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч.1. – Вологда, 1992.
  6. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1994. – №2. – С.50.
  7. Крестьяноведение: Теория, история, современность. Ежегодник. – М., 1996-2000; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): Материалы международной конференции 14–15 июня 1994 г. – М., 1996.
  8. Expolary Economies: A Political Economy of Margins // Shanin T. Defining Peasants. Basil Blackwell, 1990; Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. – 1990. – №8.
  9. См.: Ахиезер А.С. Дialeктика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. – 2000. – №1; Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998; Глазычев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т.1. – М., 1995; Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995; Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. – М., 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999 и др.
  10. См., например, материалы дискуссии: Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. – 2000. – №6. – С.63.
  11. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999. – С.153.
  12. В первую очередь это классическая работа С.А.Ковалева (Ковалев С.А. Сельское расселение. – М., 1963), работы А.И.Алексеева, в том числе: Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). – М., 1990. По нашей проблематике чрезвычайно информативной представляется диссертация А.Игудиной (Игудина А.И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959–1979 гг.): Дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 1982).
  13. Денисова Л.Н. Указ. соч.; Попов В.П. Указ. соч.; См. также: Голоса крестьян: сельская Россия в крестьянских мемуарах. – М., 1996.
  14. РГАЭ. Ф.7486, оп.7, д.533.
  15. РГАСПИ. Ф.591, оп.1.
  16. См.: Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. – М., 1972. – С.128.
  17. РГАЭ. Ф.7486, оп.7, д.533, л.18.
  18. ГАРФ. Ф. А-374, оп.30, д.4000, л.116; РГАСПИ. Ф.591, оп.1, д.164, л.174.
  19. Голоса крестьян: сельская Россия в крестьянских мемуарах. – М., 1996. – С.73.
  20. РГАСПИ. Ф.17, оп. 88, д.810, л.70.
  21. РГАЭ. Ф.7486, оп.7, д.533, л.23.
  22. РГАСПИ, там же, д.693, л.12.
  23. См. напр.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т.2. – СПб., 1999. – С.333.
  24. РГАЭ, там же, л. 24.
  25. РГАСПИ. Ф.591, оп.1, д.34, л.77.
  26. Там же. – Д. 172, л.7
  27. Там же. – Д. 33, л.23.
  28. См. напр.: Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999.